

"БАНДЕ МАТАРАМ!"

РАССКАЗ

РАДЖА ПРОКТОР

События в рассказе писателя с Цейлона Раджи Проктора «Банде Матарам!» происходят на крайнем юге Индии в наши дни. Воспоминания персонажей переносят читателя в недавнее прошлое, когда братские народы Индии и Цейлона вели самоотверженную борьбу против колонизаторов, за свое национальное освобождение. «Банде Матарам!» — «Слава матери-родине!» — начальные слова национального гимна Индии. Рассказ на русском языке публикуется впервые.

Простая глинобитная хижина на зеленом склоне холма. Ее тростниковая крыша покосилась, пригнулась почти до земли. На узенькой веранде и на площадке в тени мангового дерева ждут родичи и друзья покойного. Они переговариваются вполголоса, как бы опасаясь нарушить слишком громкой речью печальную торжественность этих минут: ведь они собрались сюда на похороны своего родственника и друга. Все они испытывают сейчас некоторое разочарование и даже возмущение. Виданное ли это дело? Похороны — без плакальщиц, без заунывных ударов барабана, без неистовой пляски опьяневших от пальмового вина танцовщиков, призванных отогнать от покойника злых духов. Разве такими должны быть порядочные похороны?

И все же люди ждут, поминутно бросая нетерпеливые взгляды в ту сторону, где красная лента дороги огибает подножие холма. По обеим сторонам этой дороги застыли в торжественно-траурном строю военные моряки: отряд стрелков, артиллеристы, почетный эскорт, оркестр. Позади них с широко раскрытыми глазами, томимые любопытством и ожиданием теснятся жители деревни.

— А! Наконец-то! — в этом общем возгласе про rvalось долго сдерживавшееся возбуждение. Мерно покачиваясь на плечах моряков, которые шагали с обнаженными головами, из-за склона холма на

дороге, поблескивая на солнце своей серебряной отделкой, показался гроб.

За гробом, одетая в сари, босая, опустив глаза в землю, шла женщина.

Ветер шевелил тростник крыши, склонял ствол дерева манго. Изогнутый зеленый листок отделился от верхней ветки, плавно спустился вниз, задержался на мгновение на трехцветном знамени — покрове гроба и затем упал на землю. Женщина, шедшая за гробом, проследила взглядом весь путь листка, потом подняла свои медового цвета глаза и вгляделась в густые ветви мангового дерева.

Это — его дерево. Дерево ее покойного сына. Отец вскопал землю, а мальчик посадил на ней саженец. Они еще тогда думали-гадали: не получится ли из их сына хороший садовник? Примется ли его первая посадка? И она принялась. Дерево выросло, разрослось, расцвело. Могучие соки жизни питали его яркую листву. Они росли вместе — ее сын и посаженное им дерево манго.

— К отданию почестей — на караул! — Слова команды, прозвучавшие неожиданно громко и резко, сразу вернули ее из мира воспоминаний к действительности.

— Карабины к ноге!

— Лафет повернуть!

Флот хоронил своего моряка — марсового Говиндана и готовился воздать ему последние почести. Затаив дыхание, смотрели жители деревни на церемонию похорон, каких им никогда еще не приходилось видеть. Четкая команда, точное ее выполнение — как все это непохоже на обычные похороны с ударами барабана и стенаниями плакальщиц! И как-то трудно было поверить, что все совершавшееся у них перед глазами, делалось в честь Говиндана, их Говиндана, которого многие из присутствующих помнили еще маленьким, ничем не приметным мальчиком...

Новый порыв ветра, гораздо сильнее, налетел на дерево манго и сорвал с него листья; задевая друг за друга, они с легким шелестом падали на землю. Один из них слегка задел за плечо мать Говиндана и, скользя вниз, коснулся ее босой ноги. От этого прикосновения женщина вдруг содрогнулась, задрожала и едва подавила рыдание: этот шершавый лист неожиданно и остро пробудил в ее душе воспоминание об ином прикосновении к ее босым ногам...

— Стрелки, направо кругом!

— Короче шаг!

— Сомкнуть ряды!

Обряд военных похорон, звучащие один за другим приказы — на все это она уже больше не обращала внимания. Шершавое прикосновение листка к ее ноге властно перенесло ее в далекое прошлое...

...В тот день школьный учитель сказал отцу Говиндана, что мальчик пропустил занятие. Однако домой Говиндан вернулся позже обычного и не принес те несколько жалких анн, которые он ежедневно зарабатывал после школы, пригоняя с пастбища коров богатых односельчан. Отец, страдавший одышкой, очень раздражительный, допросил его, потом жестоко избил и отослал спать не вши. А поздней ночью мальчик осторожно прокрался к ней на циновку и примостился рядом. Они разговаривали шепотом. Он все ей рассказал: о военном параде на рыночной площади; о том, как он, залюбовавшись этим зрелищем, совсем забыл о времени, забыл о школе, о коровах. Потом, стараясь говорить еще тише, он сказал ей, что ему надоело влачить полуголодное существование, что он решил

начать новую жизнь. А рано-рано утром она сквозь сон ощутила у себя на ноге шершавое прикосновение его губ. Она сразу же поняла, что это значит: прощальный поцелуй любящего благодарного сына. Она сделала над собой страшное усилие, чтобы не двинуться, не шелохнуться, притворилась погруженной в глубокий сон, хотя сердце ее в те мгновения билось сильно-сильно. «Да благословит тебя бог, сын мой! Мое материнское благословение да сопутствует тебе!» — это не губы ее произнесли, это выстукивали удары ее материнского сердца...

...Она споткнулась. Высокий стройный моряк поспешил ее поддержать и пошел рядом, принаравливая свой шаг к ее шагу. Она поблагодарила его взглядом и мягко отстранила поддерживавшую ее руку: не надо, она пойдет сама...

Молодой моряк достал носовой платок и стер пот с шеи, туго зажатой воротником мундира. Старший баталер Чаттерджи с высоты своего роста посмотрел на маленькую женщину, шедшую рядом с ним. Как странно! Это идет рядом с ним мать Говиндана, Говиндана — его лучшего друга, которого они сейчас хоронят... «Мать Говиндана!» — сердце его переполнилось печалью и нежностью. И мысль его устремилась в прошлое, к их кораблю — его и Говиндана — миноносцу, на котором они начинали свою морскую службу еще при англичанах...

...Спокойная поверхность океана, легкий бриз, в безоблачном небе желтая лучистость солнца. Он, в те времена стюард, с удовлетворением окинул взглядом завтрак, сервированный им в офицерской столовой на четыре персоны. Внезапный звон сигнального колокола вызвал его, как и всех остальных матросов, на палубу. По приказу первого лейтенанта все свободные от вахты должны были спуститься за борт на лов рыбы. Чаттерджи пожал плечами: господ офицеров ожидает сегодня холодный завтрак! — и отправился вместе с другими выполнять приказ.

Он пробыл в воде больше часа, и ему казалось, что Говиндан все это время находился рядом с ним, но как-то чаще обычного улыбался своей шаловливой, «злодейской», как ее в шутку называли матросы, улыбкой. Вернувшись на борт, Чаттерджи едва успел сменить мокрую одежду, как его позвали в офицерскую столовую.

— Надо думать, меня ждет нагоняй за холодный завтрак, — решил он и вошел в столовую. Но здесь он остановился, как пораженный громом: пустые тарелки и перед ними четыре голодных офицера с вопросительными выражениями на лицах.

Был только один человек на их корабле, способный выкинуть такую штуку: незаметно и мгновенно убрать неизвестно куда четыре завтрака, предназначенные для четырех офицеров. Этим человеком был Говиндан. Но когда первый лейтенант только заикнулся о том, что это проделка Говиндана, последний, широко раскрыв от удивления глаза, ответил англичанину:

— Я все время находился в воде, сэр! Спросите у кого угодно, каждый вам подтвердит. И, сэр, разве же это не я поймал для вас большого ската? Разве это не так, сэр?

— Да... Конечно... — вынужден был согласиться первый лейтенант, убежденный доводами Говиндана, и отпустил его...

...Маленькая женщина, шедшая рядом с баталером Чаттерджи, споткнулась опять, и он еще раз ее поддержал. Она поблагодарила взглядом и больше уже не отстранила его руки.

Каким хорошим товарищем был Говиндан! И ка-

кое удовлетворение испытывал сейчас Чаттерджи от сознания, что он помогает идти матери Говиндана. Ему казалось, что он знаком с нею очень давно, а между тем сегодня он увидел ее впервые...

— Отряд... Стой!

— Сомкнуть ряды!

— Карабины к ноге!

Стрелки выстроились теперь по обе стороны кладбищенских ворот. Винтовки дулами вниз, головы склонены — моряки воздавали честь траурному эскорту, медленно продвигавшемуся между шеренгами.

Старший канонир Рам Сингх, бородатый, с тюрбаном на голове, стоял на правом фланге отряда стрелков. Когда гроб поравнялся с ним и оказался на уровне его груди, он впился взглядом в трехцветное знамя, служившее погребальным покровом. Под этим знаменем, под отделанной серебром крышкой гроба — Говиндан... Его лучший друг, его верный боевой товарищ. Узы дружбы, их связывавшей, были очень крепки, и когда настала пора испытаний, он в этом убедился... Сейчас Рам Сингх предстоит дать команду стрелкам для последнего салюта. И ему вспомнилось...

Восстание! Они поднялись против чужеземцев, которые поработили их народ, заковали его в цепи. Сначала — несобранность, сомнения, страх неудачи; затем — подвиги мужества, отвага, успех. И в часы испытаний Говиндан был его правой рукой.

Ему кажется, что он слышит громкие возгласы: «Джай Хинд!»¹ Он видит Говиндана: с преображенным лицом Говиндан срывает английский флаг; он слышит восторженный хор голосов, произносящих клятву верности в тот миг, когда взвизывает вверх трехцветное индийское знамя...

Чужеземные поработители спешили загасить искру, грозившую зажечь огнем восстания весь полуостров. Удар грозил с суши, с моря и с воздуха.

Просигналил крейсер, вооруженный шестидюймовыми орудиями: «Войду в гавань Бомбея в семь ноль-ноль. Военным судам на рейде поднять флаг капитуляции. В случае неповиновения открываю огонь».

Грозный гигант-крейсер против четырех маленьких суденышек-миноносцев.

На борту ни одного офицера. Корабли намертво скованы якорями... Что ждет восставших? Горечь и позор поражения... И снова сигнал — теперь с воздуха: «Выставить знаки капитуляции к семи ноль-ноль, в противном случае начнем бомбардировку».

С каждой радиогаммой смерть на шаг ближе. Никакой надежды.

«Капитулировать? Нет! Никогда! — было ответом его, Рам Сингха. — Лучше умереть... Лучше смерть, чем рабство!»

Часы жизни отсчитывали последние минуты.

На ранней заре к нему подошел Говиндан. Голос марсового срывался от бессильной ярости:

— Умрем, командир... Но раньше... Видишь большие здания на берегу?.. Конторы, отели, виллы... Там англичане... Их прихвостни... Сметем их с лица земли, превратим в прах!..

— Так и будет! — воскликнул Рам Сингх и крепко обнял Говиндана. Сигнальный передал на другие корабли приказ: «Орудия для бомбардировки города Бомбея зарядить!»

На аэродром радиовали: «Если подниметесь в воздух, обстреляем торговые и правительственные

¹ Да здравствует Индия!

квартиры». Крейсер получил ответ: «Если подойдете к Бомбею...»

В семь ноль-ноль в небе не было ни одного самолета, крейсер остался на якоре...

Рам Сингх внезапно вернулся к действительности: похоронная процессия уже прошла. Торопливо прозвучали слова его команды. Отряд двинулся дальше...

...Она стояла на бугре сырой и рыхлой, только что выкопанной земли, уставившись безжизненным взглядом в зияющую пустоту могилы.

— Отряд... пли!

Грохот залпа, такой неожиданный, так близко, испугал ее. Она резко вскинула голову, и конец сари, прикрывавший ее лицо, упал ей на плечи.

— Отряд... пли!

Выстрелы прогремели снова; только теперь она увидела перед собой множество военных мундиров, а дальше — густую толпу жителей деревни, заставшую в благоговении перед величием происходящего. Плечи ее дернулись и задрожали: «Ее сын, ее сын... Час его славы!»

Горнист приложил к губам начищенную до блеска трубу, и вдаль полилась, нарастая с каждым мгновением, душераздирающая жалоба «Последних почестей». Эта мелодия захватила ее, заполнила пустоту в ее душе. На глазах показались первые слезы. Скорбный мотив звучал громко и ясно, замирая в вечернем воздухе.

Адмирал, стоявший позади нее, неловко переминался с ноги на ногу. Пронзительные звуки трубы ранили его слух, горло сжимала спазма, он кашлянул.

Говиндан... Адмирал слышал только его уверенный голос и потом увидел окровавленное тело...

Вчера утром он прибыл на миноносец, чтобы наблюдать противозенитные учения. Этот миноносец был четвертым в строю. Серебристый самолет снизился над морем, ведя за собой воздушную мишень. Один за другим корабли открыли огонь. Стрельба была интенсивной — и все же цель продолжала двигаться, оставаясь непораженной. Вглядываясь в небо, пестрящее облачками дыма от разрывов снарядов, он сказал:

— Артиллерийский офицер! Что случилось? Вы не можете попасть даже на близком расстоянии!

— Есть! — отозвался храбрый артиллерийский офицер. — Марсовой Говиндан, — командовал он в микрофон, — орудия номер четыре уничтожить буксируемую мишень!

— Айе, айе², — бойко ответил Говиндан и даже удивился, до чего самоуверенно он это сказал. Яркая мишень теперь находилась прямо перед ним.

— Орудия правого борта... к бою!

— Огонь! — послышался звонкий голос артиллерийского офицера.

Судно содрогнулось от сильной отдачи орудий; воздух наполнился едким запахом горелого пороха; уши потеряли малейшую способность воспринимать звук. Облачки дыма усеяли небо совсем рядом с целью. Мишень вдруг подпрыгнула и затанцевала.

— А ну еще! А ну еще! — весело подбадривал расчет артиллерийский офицер.

— Готово! — И он в восторге захлопал в ладоши: мишень, сорвавшись с каната, падала вниз...

И вдруг ослепительная вспышка, слоп оранжевого пламени; взрыв, на мгновение притупивший все чувства...

— Прекратить огонь! Прекратить огонь! — крик-

нул артиллерийский офицер и судорожно нажал сигнальную кнопку.

Преждевременный разрыв снаряда у самого дула... Артиллеристы лежали на палубе, распластавшись. Алая кровь обагрила белые доски. Говиндан был мертв...

— Примкнуть штыки!.. На караул!

Горнист несколько раз глотнул воздух и снова поднес сверкающую трубу к губам.

Отбой...

Первые торжественные звуки, несущие облегчение и примирение, огласили кладбище. Люди зашевелились, заговорили.

Она слушала, смущенная; звуки эти проникали ей в душу. Адмирал подошел к ней и сложил ладони в знак приветствия. Его губы дрожали: он искал слово, которое могла бы понять эта простая крестьянская женщина. Он растерянно осматривался по сторонам, наконец поднял горстку земли со стебельком травы и протянул ее женщине.

Глядя ей в глаза, он проговорил:

— Твой сын умер за то, чтобы вот эта земля принадлежала его родине — матери Индии.

Они смотрели друг на друга: он старался ей объяснить, она делала отчаянные усилия его понять. «Поймет ли она? Поймет ли?» — Для него это было так важно.

Веки ее дрогнули, она наклонила голову, и взгляд ее, исполненный скорби, замер на горстке земли у нее на ладони.

— Мать Индия! Мать Индия! — ее губы зашевелились — она поняла. Ее взгляд с любовью устремился на моряков, медленно отходивших от могилы. «Эта земля священна для них всех! Эти люди оказали честь ее сыну! Земля принадлежит им всем... Земля, которая кормит их, которая так к ним милостива... Мать Индия — их общая мать!»

И снова глаза ее встретились с глазами адмирала.

— Твой сын стоял на страже родины. Он умер за свою родину-мать.

В глазах ее блеснула гордость: да, теперь она поняла, поняла все.

— Банде Матарам! — громко сказал адмирал.

— Банде Матарам! — повторила она за ним тихо, но убежденно.

Она стояла над свежесыпанной могилой с высоко поднятой головой, вся залитая пурпурным блеском заката.

Перевел с английского

В. ЗИМИН

Пословицы народа хауса

Гнев лентяя подобен укусу губами.

Горечь правды лучше сладости меда.

Лгуна по глазам видно.

Неблагодарный человек подобен ненасытному желудку.

Сердце злого человека и во время отдыха не отдыхает.

² Слушаюсь... Есть! (хинди).